116

Volonté du peuple

Годъ первый № 2 15 Ноября 1879

U.B.C. LIBRARIES

Народная Воля

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

STORAGE-ITEM
MAIN LIBRARY

LP9-R31B
U.B.C. LIBRARY

Изданіе М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE-GENÈVE
ЭЛПИДИНЪ, LIBRAIRE-EDITEUR
1903

JN
6598
N37
N36
1903

БИБЛІОТЕКА
А.В.

Volonté du peuple

Годъ первый *№ 2* *15 Ноября 1879*

U.B.C. LIBRARIES

Народная Воля

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе М К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE - GENÈVE
ЭЛПИДИНЪ, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1903

98
7
6
03

БИБЛИОТЕКА
A.B.

Годъ первый № 2 15 Ноября 1879.

Народная Воля

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE-GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1903

НАРОДНАЯ ВОЛЯ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

---

10 **ноября** 1879.

Ниспроверженіе существующихъ нынѣ государственныхъ формъ и подчиненіе государственной власти народу—такъ опредѣляемъ мы главнѣйшую задачу Соціально-Революціонной партіи въ настоящее время, задачу, къ которой невольно приводятъ современныя русскія условія. Мы принуждены остановиться еще на этомъ общемъ вопросѣ, прежде чѣмъ перейти къ частнымъ формамъ дѣятельности, какими онѣ намъ представляются.

Исторія создала у насъ, на Руси, двѣ главныя самостоятельныя силы: народа и государственную организацію. Другія соціальныя группы и понынѣ у насъ имѣютъ самое второстепенное значеніе. Наше дворянство, напр., вытащенное на свѣтъ Божій за уши правительствомъ, оказалось, однако, не смотря на всѣ попеченія рѣшительно неспособнымъ сложиться въ прочную общественную группу и, просуществовавъ едва сотню лѣтъ, нынче совсѣмъ стушевалось, расплылось и слилось отчасти съ государственной организаціей, отчасти съ буржуазіей, отчасти такъ, невѣдово куда дѣвалось.

Буржуазія, выдвигаемая всѣми условіями нашей жизни и при самомъ рожденіи своемъ поступившая также подъ крылышко правительства, безъ сомнѣнія, имѣетъ болѣе шансовъ на продолжительное существованіе и, если общія условія русской жизни не измѣнятся, она, конечно, скоро составитъ грозную общественную силу и подчинить себѣ не только массы народа, но и самое государство. Но это еще вопросъ будущаго. Въ настоящее время наша буржуазія составляетъ все-таки не болѣе, какъ ничѣмъ не сплоченную толпу хищниковъ, она не выработала еще ни сословнаго самосознанія, ни міросозерцанія, ни сословной солидарности. Буржуа западный дѣйствительно убѣжденъ въ святости разныхъ основъ, на которыхъ жиздется его сословіе, и за эти основы готовъ положить голову свою. У насъ нигдѣ не встрѣтишь болѣе циничнаго неуваженія къ тѣмъ же основамъ, какъ именно въ буржуа. Нашъ буржуа—не членъ сословія, а просто отдѣльный, умный и неразборчивый въ средствахъ хищникъ, который въ душѣ самъ сознаетъ, что дѣйствуетъ не по совѣсти и правдѣ. Безъ сомнѣнія, это явленіе временное, происходящее лишь оттого, что нашъ буржуа еще только народился на свѣтъ. Скоро, очень скоро онъ оформится; еще нѣсколько поколѣній и мы увидимъ у себя настоящаго буржуа, увидимъ хищничество, возведенное въ принципъ, съ теоретической основой, съ проклятымъ міросозерцаніемъ, съ сословной нравственностью. Все это будетъ, конечно, но только въ томъ случаѣ, если буржуазію не подсѣчетъ въ корнѣ общій переворотъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Мы думаемъ, что о

очень возможенъ, и если онъ дѣйствительно про-
изойдетъ, то буржуазія наша такъ же сойдетъ со
сцены, какъ сошло дворянство, потому что она въ
сущности, создается тѣмъ-же государствомъ. Соз-
дается она государствомъ отчасти вполнѣ созна-
тельно и преднамѣренно, отчасти является какъ
неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя
государство вгоняетъ народъ и которыя не могутъ
не выдвигать изъ массы хищническое кулацкое
сословіе.

Съ точки зрѣнія всего существующаго строя,
нашъ крестьянинъ въ настоящее время—ничто,
хуже чѣмъ ничто. Это какая-то рабочая скотина,
какой-то баранъ, который существуетъ исключи-
тельно для того, чтобы пастухъ могъ питаться его
мясомъ, одѣваться его шерстью и шкурой. Таковъ
принципъ нашего государства. Народъ—нуль, въ
смыслѣ личности, въ смыслѣ человѣка. Его эконо-
мическіе интересы признаются лишь по стольку,
по сколько это нужно для государства. Крестьянинъ
долженъ ѣсть, пить, одѣваться, имѣть хижину ис-
ключительно для того, чтобы не издохнуть съ го-
лода, чтобы имѣть возможность работать, вносить
деньги въ казначейство, поставлять годныхъ для
войны рекрутъ и т. п. Такое же значеніе имѣетъ
и его умственный и нравственный міръ: отъ му-
жика требуется немного больше, чѣмъ отъ лоша-
ди; онъ долженъ имѣть достаточно смысла для
того, чтобы ходить въ корню и на пристяжкѣ
требуется, чтобы онъ не былъ норовистымъ, чтобы
узнавалъ хозяина. Все прочее—излишне и даже
вредно. И вотъ такіе-то экономическіе и нравствен-
ные принципы практикуются надъ мужикомъ сотни

лѣтъ, практикуются могущественной, сравнительно съ мужикомъ высоко-интеллигентной ассоціаціей, пронизывающей насквозь всю жизнь его, сообразно съ этими принципами строится сверху до низу всѣ отношенія государственныя, сословныя и общественныя. Результаты получаются самые убійственные.

Крестьянинъ приниженъ, забитъ настолько, насколько у государства хватило силъ. Онъ доведенъ до состоянія нищенства въ экономическомъ отношеніи, онъ изъ-за куска хлѣба, изъ-за самыхъ животныхъ, но неумолимыхъ потребностей принужденъ вести ожесточеннѣйшую борьбу за существованіе. Всѣ помыслы его должны направляться на то, чтобы добыть рубль для взноса податей, исполнить всѣ повинности, накормить и семью и отдохнуть для новой работы. И это изо дня въ день, вчера, нынче, завтра, цѣлую жизнь. Некогда жить для себя, для человѣка, некогда думать, не о чемъ думать. Такова обстановка личности. Такова же обстановка и міра. Зачѣмъ существуетъ міръ, община? Чѣмъ онъ занимается? Поставить рекрутовъ, собрать подати, взыскать недоимки отправить натуральныя повинности—вотъ жизнь міра. И насколько обезличивается крестьянинъ въ невольной погонѣ за рублемъ, настолько же обезличивается и искажается община, задушаемая правительствомъ въ этой сферѣ исключительно фискальныхъ и полицейскихъ обязанностей.

Такая обстановка словно нарочно придумана для того, чтобы породить кулака. Для человѣка умнаго, энергичнаго, имѣющаго потребность личной жизни, въ той средѣ нѣтъ выхода: либо по

тибать вмѣстѣ съ міромъ, либо самому сдѣлаться хишникомъ. Какъ человѣкъ мірской—онъ нищій, презрѣнное существо, которымъ всякій помыкаетъ. Какъ хищникъ – онъ сразу выдвигается въ особое, не упомянутое законами, но признаваемое практикой сословіе. Кулакъ-міроѣдъ—онъ не только получаетъ возможность жить сносно въ матеріальномъ отношеніи; онъ въ первый разъ дѣлается человѣкомъ и даже гражданиномъ; его уважаетъ и начальство, и попъ; его не станутъ ни бить по мордѣ, ни ругаться надъ его человѣческой личностью; законъ начинаетъ существовать для него. Можетъ ли быть тутъ какой нибудь выборъ? Мы еще взяли только общую картину, возьмемъ детали. Что будетъ съ умнымъ и энергичнымъ крестьяниномъ, не измѣнившимъ мірскимъ традиціямъ? Это кандидатъ въ „смутьяны“, въ „разстройщики“, въ „бунтовщики“, кандидатъ на всевозможныя гоненія, порки, аресты, ссылки, а то и больше. А приниженный, забитый, обезличенный міръ часто неспособенъ дать даже нравственную поддержку въ этой тяжелой борьбѣ и въ большинствѣ случаевъ кулакъ совершенно искренно и глубоко презираетъ міръ за его безсиліе, презираетъ и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ, и въ лицѣ всей общины.

Нарождается кулакъ. Безвыходное положеніе гонитъ мужика въ кабалу. Кто же виноватъ въ этомъ? Кто же, какъ не государственный гнетъ, экономическій гнетъ его, стремящійся привести массу къ состоянію нищенства имущественнаго и отнимающій у нея всякую возможность бороться съ эксплуатаціей; нравственный его гнетъ, приводящій массу къ нищенству гражданскому и поли-

тическому, деморализирующій народъ и забивающій его энергію. Устраните этотъ гнетъ и вы сразу отнимите $^{9}/_{10}$ шансовъ для формированія буржуазіи.

Перейдемъ выше. Вызывая появленіе буржуазіи самымъ фактомъ своего существованія, современное государство и въ отдѣльныхъ случаяхъ совершенно сознательно вытягиваетъ ее въ люди. Вспомнимъ исторію нашей промышленности. Кустарное производство цѣлыхъ губерній убивалось, благодаря всяческому покровительству крупной промышленности. Создавались даже такія отрасли фабричнаго производства, которыя и понынѣ живутъ только покровительственнымъ тарифомъ (наприм. хлопчатобумажное, убившее народныя кустарныя полотна). Цѣлыя княжества создавались для горнозаводчиковъ, и сотню лѣтъ населеніе Урала было отдано въ рабство капиталистамъ, не умѣвшимъ вести дѣло даже такъ, какъ вели сами рабочіе, оставаясь безъ хозяевъ (при Пугачевѣ). Желѣзнодорожное дѣло представляетъ у насъ также единственныя въ мірѣ картины: всѣ дороги настроены на мужицкія деньги, на деньги государства, неизвѣстно зачѣмъ раздарившаго сотни милліоновъ разнымъ предпринимателямъ. Точно также мужицкое золото лилось изъ пустаго кармана правительства для поддержанія биржевыхъ спекуляцій. Эта отеческая нѣжность правительства по отношенію къ буржуазіи—фактъ, требующій вовсе не доказательства, а только указанія, и мы указываемъ на него для того, чтобы лучше оттѣнить то обстоятельство, что у насъ не государство есть созданіе буржуазіи, какъ въ Европѣ, а наоборотъ, буржуазія создается государствомъ.

Самостоятельное значеніе нашего государства составляетъ фактъ чрезвычайно важный, потому что сообразуясь съ этимъ, дѣятельность Соціально-Революціонной Партіи въ Россіи должна принять совершенно особый характеръ; Россія, собственно говоря, представляетъ нѣчто въ родѣ помѣстья, принадлежащаго компаніи подъ фирмой „Русское Государство“. Экономическое и политическое вліяніе, экономическій и политическій гнетъ здѣсь, какъ и быть должно, сливаются и сводятся къ одному юридическому лицу—къ этой самой компаніи. При такихъ условіяхъ политическая и экономическая реформы становятся также совершенно неотдѣлимы одна отъ другой и сливаются въ одинъ обще-государственный переворотъ. Непосредственнымъ источникомъ народныхъ бѣдствій, рабства и нищеты, является государство.*) Поэтому, какъ только мы задаемся цѣлью освободить народъ, надѣлить его землей, просвѣтить его, ввести въ его жизнь новые принципы или возстановить въ ихъ первобытной чистотѣ старыя традиціонныя основы народной жизни—словомъ какою бы цѣлью мы ни задавались, мы, если только эта цѣль становитя въ интересахъ массы, волей неволей должны столкнуться съ правительствомъ, которое видитъ въ народѣ своего экономическаго и политическаго раба Для того, чтобы сдѣлать что-нибудь для народа приходится прежде всего освободить его изъ-подъ власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть

*) Просимъ обратить вниманіе, что подъ словомъ «государство» мы постоянно понимаемъ именно современное Россійское государство.

надъ мужикомъ. Такимъ образомъ, наша дѣятельность принимаетъ политическій характеръ. И это дѣйствительно происходитъ у насъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ со всякой революціонной фракціей, независимо отъ ея теоретическихъ взглядовъ, происходитъ въ силу того простого обстоятельства, что извращенное государство дѣйствительно самый страшный, самый крупный врагъ и раззорители народа во всѣхъ отношеніяхъ. Нашъ соціалистъ ведетъ политическую борьбу такъ же естественно, какъ естественно говоритъ прозой человѣкъ, не имѣющій даже никакого понятія о прозѣ и поэзіи. Не смотря на это большая, конечно разница понять этотъ фактъ—значеніе современнаго государства—или не понимать его. Если мы дѣйствуемъ сознательно, то мы такъ и направимъ всѣ свои удары противъ этого правительства, и тогда наши силы пойдутъ цѣликомъ на работу производительную, полезную. Если же мы будемъ бить правительство только невольно, независимо отъ своего желанія и намѣренія, то, во-первыхъ огромный процентъ силы можетъ уйти на фантастическую безрезультатную работу, а, во-вторыхъ, и самые удары, невольно наносимые нами правительству, принесутъ пользу только буржуазіи, подготовятъ ей болѣе легкую побѣду. Объ этомъ впрочемъ ниже.

Теперь намъ нужно сперва оговориться. Понятно, что призывая партію къ борьбѣ съ правительствомъ, къ политическому перевороту, мы нисколько не отрѣшаемся отъ переворота соціальнаго, экономическаго. Мы говоримъ только, что при нашихъ государственныхъ порядкахъ политическій и соці-

альный переворотъ совершенно сливаются и одинъ безъ другого немыслимы. Для этого-то политическо-соціальнаго переворота, мы лишь намѣчаемъ новый путь, да и то не вполнѣ новый, а только плохо сознаваемый до сихъ поръ партіей. Не знаемъ нужна ли такая оговорка для людей „Земли и Воли“, защищавшихъ въ первомъ № „Народной Воли“ право народа на землю, но во избѣжаніе недоразумѣній на всякій случай оговариваемся.

Возвратимся къ дѣлу. Борьба противъ существующаго правительства, ослабляющая его и стало быть расчищающая дорогу политическому перевороту, совершенно неизбѣжна при такихъ условіяхъ, когда мы на каждомъ шагу наталкиваемся на правительство, какъ на дѣятельнаго и самостоятельнаго врага народа. Она неизбѣжна, но этого мало. Она можетъ оказаться важнѣйшей исторической услугой народу, если будетъ имѣть сознательную и преднамѣренную цѣль - произвести политическій переворотъ въ пользу именно его. Передача государственной власти въ руки народа, въ настоящее время, могла бы дать всей нашей исторіи совершенно новое направленіе и развитіе въ духѣ народнаго общинно-федеративнаго міросозерцанія. Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что наше правительство отъ какихъ бы то ни было причинъ (вслѣдствіе повсемѣстной революціи, вслѣдствіе собственнаго истощенія въ связи съ нравственнымъ давленіемъ всѣхъ слоевъ населенія и пр.)—принуждено ликвидировать свои дѣла. Составляется, самостоятельно или по приглашенію правительства, Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей (вродѣ cahiers

въ Assemblée Constinante). Въ этомъ собраніи 90% депутатовъ отъ крестьянъ и если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью, то, что можетъ постановить такое собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ вольную, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства; мы знаемъ принципы, которые развивалъ въ своей жизни народъ на Дону, на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно, сообразуясь только съ собственными наклонностями; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація — вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія. И нѣтъ въ Россіи такой силы, кромѣ государства, которая имѣла бы возможность съ успѣхомъ становиться поперегъ дороги этимъ принципамъ. Устраните государство, и народъ устроится можетъ быть лучше чѣмъ мы даже можемъ надѣяться.

Намъ могутъ возразить, что различные враждебные народу слои населенія могли бы исказить результаты выборовъ, проведя своихъ людей въ большинствѣ, и тогда мы получили бы такой общественный строй, который не имѣлъ бы ничего общаго съ народными идеалами. На это мы отвѣтимъ, что это еще вопросъ, вопросъ даже и въ томъ случаѣ, если бы не было насъ, соціалистовъ-революціонеровъ. Извѣстно, напр, что въ 49 году въ Австрійскомъ Рейхстагѣ такое же какъ наше

галицкое „Мужичье“ съумѣло провести своихъ кандидатовъ, и эти безграмотные депутаты не поддавались ни на какія парламентскія ухищренія, не отступая ни на шагъ отъ приговоровъ своихъ обществъ и отстаивая упорнѣйшимъ образомъ мужицкую землю. Да у насъ сто лѣтъ тому назадъ, на Земскомъ Соборѣ Екатерины, народъ выбралъ депутатовъ, весьма хорошо его представлявшихъ. Если же бы наша партія поняла все громадное значеніе политическаго переворота и занялась теперь же подготовкой къ нему народа, а впослѣдствіи дружно повела бы избирательную агитацію, то благопріятный исходъ былъ бы въ высшей степени вѣроятенъ. Какъ ни слаба наша партія, а все же на выборахъ она могла бы успѣшно потягаться съ дворянствомъ совершенно непопулярнымъ въ народѣ, или съ буржуазіей, недоросшей еще даже до сословности, дѣйствующей разрозненно, особнякомъ, безъ общаго плана и разсчета.

Такимъ образомъ политическій переворотъ, т. е. передача государственной власти въ руки народа, отозвался бы теперь огромными и крайне полезными для народа послѣдствіями во всѣхъ сферахъ его жизни. Теперь время для этого еще не упущено. Но если бы мы, пренебрегая политической дѣятельностью, допустили бы существованіе современнаго государства еще на нѣсколько поколѣній, то это, очень вѣроятно, затормозило бы народное дѣло на цѣлыя столѣтія. Современное государство, во всякомъ случаѣ, слишкомъ примитивная, слишкомъ архаическая форма эксплуататорской ассоціаціи. Современная жизнь уже настолько диффе-
ренцировалась, что ее рѣшительно не въ состояніи

охватить это допотопное государство. Требовательность населенія увеличивается, недовольство разростается, появляются въ населеніи элементы не только болѣе интеллигентные, но даже лучше организованные чѣмъ государство. При такихъ условіяхъ государству приходится затрачивать все болѣе и болѣе средствъ на свое самосохраненіе, и выжимаемые изъ народа соки уже теперь едва покрываютъ этотъ расходъ. Недалеко время, когда появится дефицитъ, и тогда государство наше можетъ изморомъ вымереть, даже безъ экстраординарныхъ толчковъ. Сознавая это, оно давно уже ищетъ себѣ какихъ нибудь опоръ въ самомъ населеніи, опоръ, разумѣется, себѣ подобныхъ, т. е. тоже среди хищническихъ элементовъ. Такъ оно когда то выдвигало дворянство, но изъ дворянства ничего не вышло. Теперь оно старается опереться на буржуазію и, какъ самая усердная акушерка, хлопочетъ о благополучныхъ родахъ этого уродливаго дѣтища народа. На этотъ разъ его старанія, конечно, увѣнчаются успѣхомъ и буржуазія скоро подрастетъ; но за то не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что, разъ ставши прочно на ноги, она не потерпитъ надъ собою власти этого одряхлѣвшаго государства и съумѣетъ подчинить его себѣ. Политическій переворотъ совершится, но совершится въ томъ смыслѣ, что власть перейдетъ въ руки буржуазіи. Наша роль при этомъ выйдетъ самая жалкая. Мы всѣмъ своимъ существованіемъ, всей своей дѣятельностью, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ подкапывали государство, расшатывали и ослабляли его,—и все это собственно затѣмъ, чтобы буржуазія могла легче его одо-

лѣть и сѣсть на его мѣсто! А захвативши власть въ свои руки, буржуазія, конечно, съумѣетъ закабалить народъ поосновательнѣе, чѣмъ нынѣ, и найдетъ болѣе дѣйствительныя средства парализовать нашу дѣятельность, чѣмъ современное государство, кругозоръ котораго не простирается дальше тюрьмы и висѣлицы. Мы уже обращали вниманіе читателей на эту опасность и теперь снова повторяемъ, что для насъ нужно принять какую нибудь одну послѣдовательную систему дѣйствій: или союзъ съ государствомъ и совмѣстное съ нимъ задушеніе буржуазіи въ самомъ зародышѣ, или — такъ какъ этотъ союзъ, очевидно, нелѣпѣйшая изъ нелѣпостей, — борьбу съ государствомъ, но если такъ то ужъ борьбу обмысленную, серьезную, съ опредѣленной цѣлью, съ непремѣннымъ результатомъ — возможно скорѣйшей передачей государственной власти въ руки народа, пока еще не поздно, пока есть шансы на то, что власть перейдетъ дѣйствительно къ нему. Теперь или никогда, вотъ наша дилемма.

Такимъ образомъ постановка партіонной задачи, которую дѣлаетъ „Народная Воля", вызывается самыми настоятельными требованіями обстоятельствъ. Мы не станемъ развивать всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній въ пользу политическаго переворота, потому что надѣемся еще вернуться къ этому вопросу въ спеціальныхъ статьяхъ. Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ отложить до слѣдующаго раза и вопросъ о частныхъ задачахъ партіи, какими онѣ представляются съ нашей точки зрѣнія.

2 августа 1878 г. въ Одессѣ разстрѣлянъ Ковальскій; 20 апрѣля 1879 г. въ Петербургѣ казненъ Дубровинъ; 14 мая въ Кіевѣ — Осинъ Антоновъ (псевдонимъ) и Брантнеръ; 28 мая въ Петербургѣ—Соловьевъ; 18 іюня, въ Кіевѣ---Бильчинскій, Горскій и Ѳедоровъ; 10 августа, въ Одессѣ-Чубаровъ, Лизогубъ и Давиденко; 11 августа въ Николаевѣ--Виттенбергъ и Логовенко.

Событія весны и лѣта 1879 г. особенно рельефно выдвигаются въ исторіи послѣдняго времени. Въ этотъ промежутокъ времени разыгрался на Руси рядъ тѣхъ потрясающихъ драмъ, которыя называются политическими процессами. Судебныя подмостки снова сдѣлались ареной горячей борьбы.

Передъ военнымъ судомъ, судомъ своихъ безпощадныхъ враговъ, смѣло выступаютъ однѣ за другими спокойныя фигуры подсудимыхъ, эти люди хорошо знаютъ, что впереди ихъ ждетъ тюрьма или могила. Но они гордо бросаютъ вызовъ въ лицо своимъ судьямъ и объявляютъ, что не признаютъ ихъ суда, что судъ враговъ не можетъ быть выразителемъ справедливости.

„Я имѣю честь принадлежать къ Соціально-Революціонной партіи—говоритъ Осинскій,—и признаю лишь судъ общественной совѣсти; что же касается настоящаго суда, то я его не признаю и ни на какіе вопросы отвѣчать не желаю!“

Но заявленія презрѣнія не смущаютъ судей и они развязно продолжаютъ дѣлать свое дѣло... Допрашиваются свидѣтели, произносятся рѣчи, привычнымъ потокомъ льются прокурорскія инсинуаціи, и все это въ присутствіи подсудимыхъ, которые не удостоиваютъ ихъ ни однимъ словомъ отвѣта. Наконецъ приближается развязка... Въ залу суда въ послѣдній разъ вводятъ подсудимыхъ. Среди глубокаго, гробового молчанія, какъ погребальный колоколъ раздаются слова предсѣдателя: „... смертная казнь... вѣчная каторга... многолѣтнее заключеніе“... Молча выслушиваютъ подсудимые чудовищный приговоръ... Они спокойно смотрятъ въ лицо предстоящей смерти и долгой мучительной пыткѣ неволи.

Судъ кончается. Наступаетъ исполненіе „правосудія“, и осужденные на смерть такъ же гордо умираютъ, какъ спокойно выносили всю судебную процедуру. Разставаясь съ жизнью они знаютъ, что отдаютъ ее за правое дѣло, а мысль о томъ, что тамъ, за стѣнами тюрьмы, есть товарищи, которые будутъ продолжать это дорогое имъ дѣло, освѣщаетъ отрадной надеждой послѣднія минуты ихъ жизни.

Какая сила вызываетъ изъ нѣдръ народа этихъ непреклонныхъ людей и заставляетъ ихъ безтрепетно идти на казнь?

Это нравственное величіе, этотъ пылкій энтузіазмъ въ послѣднія минуты жизни представляетъ отголоски могучей исторической силы, уже давно дѣйствующей въ человѣчествѣ, которая, какъ подземная вулканическая работа проявляется то тутъ то тамъ и всюду производитъ свое мощное влія-

ніе... Ея результаты всегда и вездѣ одни и тѣ же... Тѣ же фигуры, тѣ же характеры мы видимъ и въ годы польскихъ возстаній, и въ годы французской коммуны и въ нидерландской борьбѣ за независимость... Какъ могучая стихія огня, эта сила очищаетъ все, что только ни подпадаетъ ея вліянію. Подъ ея чуднымъ вѣяніемъ эксплуататоры народа бросаютъ свои состоянія; люди не знавшіе въ жизни ничего кромѣ скотскихъ наслажденій, дѣлаются фанатиками идеи и закоренѣлые преступники, возненавидѣвъ свое прошлое, спокойно идутъ на смерть за благо и счастье человѣка...

Эта сила—идея человѣческой свободы.

Сто лѣтъ тому назадъ грянулъ надъ Франціей громовой ударъ Великой Революціи; словно молнія освѣтила непроглядную тьму вѣковой ночи, возсіявшей надъ міромъ, и подъ пурпурной тогой самодержавія люди увидѣли запекшуюся человѣческую кровь...

Въ грязныхъ, смрадныхъ лачужкахъ, въ глухихъ закоулкахъ городскихъ предмѣстій, гдѣ гнѣздятся тифы, лихорадки и холеры, гдѣ истощенныя человѣческія тѣни вѣчно работаютъ на другихъ, пронеслось великое слово СВОБОДА. Чудотворно было вліяніе этого слова... Блѣдныя тѣни поднимались... Искра мысли, искра огня блистала въ потускнѣвшихъ глазахъ, истощенныя щеки вспыхивали румянцемъ, усталые члены распрямлялись и, вдохновленные идеей міровой свободы, люди гордо шли умирать на баррикады. Чистая, обновляющая идея поднимала цѣлыя массы на троны.

Много лѣтъ не замолкали отголоски этого перваго удара. Волна революціи, проносясь, далѣе

охватила Германію, Италію, Австрію, Испанію и наконецъ разбилась въ 1825 о каменные бастіоны Петропавловской крѣпости.

Здѣсь, въ странѣ вѣкового произвола, ночь была еще непроглядиѣе. Среди милліоновъ рабовъ не видно было человѣческаго облика, не слышно было человѣческаго голоса. Подъ желѣзнымъ гнетомъ николаевщины долго не были замѣтны дѣйствія новой силы. Но годы шли. Подавленная идея становилась все могущественнѣе, и одни за другими, какъ чайки передъ бурей, стали появляться одинокія группы, провозвѣстниковъ грядущей свободы...

И вотъ показались они предъ нами во всей своей силѣ, полные вдохновеннаго энтузіазма, и съ подмостковъ эшафота говорятъ намъ безъ словъ, что наступаетъ конецъ царству произвола, потому что страна, способная возрастить подобныхъ сыновъ, не можетъ долго подчиняться варварству и насилію.

Да, монархизмъ и на Руси отживаетъ свой вѣкъ. Результатъ завоеванія и порабощенія, держащійся только силою оружія и вѣкового народнаго недоразумѣнія, медленно, но неумолимо рушится, и отъ былой его силы остается одна только хрупкая форма. Все противъ него. Нѣтъ ни одного класса, ни одного элемента, который бы поддерживалъ его, потому что монархизмъ самъ уже безсиленъ защищать своихъ приверженцевъ. Его дворцы еще стоятъ повидимому непоколебимо; его крѣпости такъ же грозны, какъ и прежде, его безчисленныя арміи полны такого же рабскаго подчиненія, какъ и вѣка назадъ, и кто бы могъ подумать, что подъ этой блестящей внѣшностью, подъ этимъ пышнымъ

величіемъ, за стѣнами этихъ раззолоченныхъ палатъ уже шевелится жалкій страхъ за свое существованіе.

Видали ли вы давно упавшій стволъ дерева въ лѣсу? Съ виду онъ еще совершенно крѣпокъ, его кора совершенно цѣла и на ней растутъ зеленые мхи. Но попробуйте вскочить на него: кора провалится подъ вашими ногами и стволъ рухнетъ, обдавши васъ цѣлымъ облакомъ гнилья.

Но потухающій огонь сильнѣе вспыхиваетъ умирая, и отжившая система, доживая свои послѣдніе дни, съ большей яростью истребляетъ всякіе проблески нарождающейся враждебной ей жизни.

Полное ненависти ко всему самобытному, наше правительство ссылаетъ, вѣшаетъ, разстрѣливаетъ и губитъ въ тюрьмахъ всякаго, кто вздумаетъ подняться противъ его ига...

„Умъ ихъ помрачился — пишетъ Виттенбергъ наканунѣ своей казни, — они видятъ, что скоро настанетъ другое время и не знаютъ, какъ отвратить его. Это знаменіе времени.“

Да, эти казни, эти варварскіе суды, эти безконечныя преслѣдованія,—все это признаки близкаго, неотвратимаго кризиса.

Политическія письма соціалиста.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Привѣтъ вамъ братья!

Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, ье широкое сердце умѣло ненавидѣть и полити- еское и экономическое рабство, сей широкій умъ хватывалъ и принципъ политической свободы и принципъ соціализма, Земли и Воли.

Жадно и скорбно слѣдилъ я за всѣмъ, что дѣлается въ измученной родной странѣ. Вами я любовался. Но,—простите, дѣло прошлое,—подчасъ много уко- ризны слалъ вамъ мысленно.

Еслибы царь освободитель, Александръ Милости- вый, обладалъ юмористическимъ талантомъ царя- мучителя, Ивана Грознаго, онъ разсылалъ бы по монастырямъ синодики не короче тѣхъ, въ кото- рыхъ Иванъ поминалъ „невинныхъ страдальцевъ". Александръ Милостивый никого на колъ не сажаетъ, въ рѣкахъ не топитъ и собственныхъ царственныхъ рукъ не обагряетъ кровью вѣрноподанныхъ бара- новъ. Но въ три вѣка бараны переродились. Гдѣ прирожденные холопы XVI вѣка, пѣвшіе сидя на колу хвалу царю мучителю? Ихъ нѣтъ даже въ III отд. собственной его величества канцеляріи. Гдѣ всеобщая вѣра въ божественный источникъ

самодержавной власти? На кончикѣ льстиваго языка московскаго митрополита. Нынѣшняго русскаго вѣрноподданнаго нельзя посадить на колъ или изжарить на сковородѣ. Его можно, съ соблюденіемъ юридическихъ приличій, повѣсить, сгноить въ центральной тюрьмѣ, безъ всякихъ приличій сослать въ Мезень или въ Якутскъ. Но главная разница не въ формѣ гоненія, а въ томъ какъ она принимается гонимыми. Булавочный уколъ въ наше время чувствительнѣе раны отъ желѣзнаго посоха Ивана Грознаго. Покорное благоговѣніе растерялось въ теченіе трехъ вѣковъ; оно замѣнилось озлобленіемъ. Времена Грознаго напоминаютъ только безстрашіе жертвъ: покорно безстрашно садился холопъ XVI-го вѣка на колъ, озлобленно безстрашно идетъ русскій соціалистъ на каторгу, въ тюрьму, на висѣлицу. Я даже не ставлю вамъ этого въ большую заслугу. Когда обухъ реакціи виситъ надъ головами всѣхъ и каждаго, когда ни одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не можетъ поручиться за свой завтрашній день, страхъ пожираетъ самъ себя, и вамъ, закаленнымъ врагамъ правительства, трепетать не приходится. Вы знаете что, замучивъ христіанскаго бога, римскіе жандармы помогли распространенію христіанства. Дѣйствительный статскій совѣтникъ не имѣетъ этого утѣшенія.

Вы не боитесь тюрьмы, каторги, висѣлицы. Но вы боитесь собственной мысли, хотя, кажется, слѣдуетъ употребить прошедшее время: — боялись.

Изучая новѣйшую исторію, вы узнали, что Великая Революція не привела Европу въ обѣтованную землю братства, равенства и свободы, что

конституціонный режимъ, вручая власть буржуазіи, предоставляетъ ей, подъ покровомъ формальной политической свободы, экономическую власть надъ народомъ. Этотъ горестный результатъ европейской исторіи, вселилъ въ васъ недовѣріе къ принципу политической свободы. Я русскій, переболѣвшій всѣми русскими болѣзнями и здѣсь, на свободной республиканской почвѣ, во-очію наблюдающій ходъ политической и экономической борьбы, знаю цѣну вашему недовѣрію. Да, вы правы. Конституціоный режимъ не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ. Но вы глубоко неправы, когда отказываетесь отъ политической борьбы. Изъ живыхъ людей страстно отдающихся своей идеѣ, вы обращаетесь въ сухихъ доктринеровъ, въ книжниковъ, упрямо затвердившихъ теоретическій выводъ, которому противорѣчитъ вся практика.

Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи, оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго императора божіей милостью. У русскаго гербоваго орла двѣ головы, два жадные клюва. Одинъ рветъ тѣло русскаго народа съ династически-военно-полицейскими цѣлями, для расширенія и содержанія въ повиновеніи окраинъ и для сохраненія декорума деспотической власти. Вы недовольно ненавидите этотъ безпощадный, безумный „желѣзный носъ“ и недовольно любите терзаемый имъ русскій народъ, если отказываетесь отъ политической борьбы. Вы

живете теоріей и будущимъ, когда практика и настоящее ужасны! Но вы и въ теоріи ошибаетесь: у гербоваго орла два хищные клюва, они связаны единствомъ ненасытнаго желудка.

Александръ II не дастъ конституціи: ее можно только вырвать у него. Онъ съ упрямствомъ слѣпца хочетъ умереть самодержавнымъ царемъ, ревниво оберегая декорумъ деспотической власти отъ жалкихъ проблесковъ оппозиціи въ земствѣ, въ литературѣ, въ судѣ. Но это—его личное дѣло. Въ государственномъ же смыслѣ самодержавіе на Руси, кромѣ военно-полицейской дѣйствительности, есть уже давно только блестящій мифъ живущій лишь кое-гдѣ въ незлобивомъ сердцѣ крестьянина. Россія только покрыта горностаевой царской порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту когда то пышную, а теперь изъѣденную молью порфиру и вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію. Она не отлилась въ самостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ царской порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣе исполнять свою историческую миссію расхищенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда. Великому Князю Константину нуженъ самодержавный царь, чтобъ за его спиной обдѣлывать свои приватныя воровскія дѣла. Министру Валуеву нуженъ самодержавный царь, чтобы изъ подъ его руки расхищать государственныя имущества. Деревенскому кулаку нужна эманація самодержавнаго царя—самодержавный исправникъ, чтобы закрѣпощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же

эманація—самодержавный полиціймейстеръ, чтобы перепороть стакнувшихся рабочихъ. Европейской буржуазіи самодержавіе—помѣха, нашей буржуазіи оно—опора. Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное умственно и матеріально сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ. Такая минута наступитъ. Буржуазія, выросшая подъ сѣнью царской порфиры, разорветъ ее въ клочки, и что вы скажете тогда, на страшномъ судѣ исторіи? Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить.

Предразсудокъ противъ политической борьбы силенъ въ Россіи. Имъ заражены люди самые достойные. Между ними есть люди мирнаго прогресса и люди революціи. Люди мирнаго прогресса думаютъ, что самодержавіе только тогда завершитъ свою миссію, когда крестьянинъ достаточно оперится умственно и матеріально, чтобы не дать себя проглотить буржуазіи. Это было бы основательное разсужденіе, еслибъ самодержавіе не давало простора приватному хищничеству и если бъ само оно не питалось кровью и плотью народа. Гдѣ заботы самодержавія объ умственномъ и матеріальномъ развитіи народа; на чемъ держится надежда на самодержавіе, когда оно до костей исклевало крестьянина своимъ желѣзнымъ носомъ?

Люди революціи разсчитываютъ на народное возстаніе. Это дѣло вѣры. Я не имѣю ея. Но становясь на точку вѣрующихъ, я спрашиваю, когда народное возстаніе вѣроятнѣе: тогда ли когда на вершинѣ политическаго строя сидитъ далекій, полумифическій царь, въ котораго темный народъ, по преданію, еще вѣритъ, или тогда, когда страною правятъ выборные люди, обыкновенные люди, безъ всякаго мифическаго ореола?

Не политическая свобода отвѣтственна за соціальную болѣзнь Европы, а система приватнаго хищничества. До извѣстнаго времени эта система не только не нуждается въ политической свободѣ, но, напротивъ, находитъ себѣ лучшую поддержку въ іерархической эманаціи самодержавія. Въ такомъ положеніи находится Россія. Живите же настоящимъ, боритесь съ живымъ врагомъ! Онъ не щадитъ васъ, за что же вы будете систематически щадить его?

Вы не боитесь тюрьмы и каторги, вы боитесь собственной мысли...

Но я уже оговорился, что слѣдуетъ, кажется, употребить прошедшее время: боялись. Получивъ „Народную Волю“, я тотчасъ же взялся за перо, чтобы послать вамъ горячій привѣтъ съ родины Руссо и во имя Руссо. Но вашъ поздній выходъ на настоящую дорогу и всѣ мои наблюденія убѣждаютъ меня, что „Политическія письма соціалиста“ будутъ нелишни. Предразсудокъ противъ политической борьбы вскормленъ всей русской исторіей, пріучившей насъ жить не практикой настоящаго, изъ котораго самодержавіе гонитъ всякую честную дѣятельность, а будущимъ, теоріей и фанта-

зіей. Повторяю: достойнѣйшіе люди, соль земли русской, заражены этой болѣзнью. Пора, давно пора выздоровѣть и понять, что политическій деспотизмъ выгоденъ только врагамъ народа. Конституціонный режимъ есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи. Этотъ завтрашній день не принесетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса. Но развѣ вы хотите завтра же сложить руки? Развѣ вы устали бороться? Вѣрьте мнѣ, что даже самое единодушное народное возстаніе, еслибъ оно было возможно, не дастъ вамъ опочить на лаврахъ и потребуетъ новаго напряженія, новой борьбы. Вѣкъ живи, вѣкъ борись! „Миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“ принадлежатъ далекому будущему. Мы съ вами не доживемъ до него. Всѣхъ перепетій будущей борьбы предвидѣть нельзя. Русское народное возстаніе можетъ выставить геніальнаго честолюбца—Цезаря: полубога, передъ которымъ склонитъ голову несчастная родина, европейское соціалистическое возстаніе можетъ вызвать вмѣшательство императорскихъ русскихъ войскъ, уже водворявшихъ „порядокъ“ въ Россіи, спасавшихъ царей въ Италіи. И мало ли еще какія комбинаціи возможны внѣ заколдованнаго круга революціи и народнаго возстанія, въ которомъ вращается ваша политическая мысль. Не будемъ же жертвовать сегоднешней борьбой ради завтрашней. Или недовольно широко ваше сердце, чтобы обнять одною ненавистью государственное и приватное хищничество даже тогда, когда они срослись въ двуглаваго орла съ однимъ желудкомъ? Бейте по обѣимъ головамъ кровожадной птицы!

И еще спрошу: зачѣмъ оставили вы свой пре-

красный девизъ „Земля и Воля“?*) Куда бы ни направилъ въ частномъ случаѣ вашу борьбу практическій ходъ жизни, этотъ девизъ долженъ быть вашимъ. Одной половиной его – „Волей“ вы примыкаете ко всѣмъ уважающимъ себя людямъ, которымъ ненавистно самовластіе; другая половина – „Земля“ выдѣляетъ васъ изъ общаго либеральнаго хора. Глубокій политическій смыслъ заключается въ этой двойственной формулѣ: воля всѣмъ, земля земледѣльцу. Конституцію сочинить не трудно, ее напишетъ и Валуевъ, и Шуваловъ, и Побѣдоносцевъ. Но европейская исторія учитъ насъ, что Бисмаркъ и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могутъ разорвать партію воли, если въ сохраненіи ея не заинтересована милліонная масса народа. Русскій народъ грудью станетъ только за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотрѣть на самое наглое нарушеніе конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Макова. Избирая себѣ девизъ „Земля и Воля“, вы повинуетесь не только народнымъ идеаламъ, и голосу высшей справедливости, но и практическимъ требованіямъ истиннаго, непризрачнаго осуществленія самой воли.

---

*) Въ № 1 нашей газеты мы подробно излагали внѣшнія причины, вынудившія насъ съ сожалѣніемъ отказаться отъ названія, которое было и останется нашимъ девизомъ, нашимъ лозунгомъ, какъ выражались мы въ этомъ объясненіи. Уважаемый, авторъ вѣроятно, не достаточно внимательно прочелъ его.

Прим. ред.

Бейте же по обѣимъ головамъ хищной птиты la galère!

Гронвиръ *)

Женева, 2 ноября (21 октября) 1879 г.

На чьей сторонѣ нравственность?

(Объясненіе съ литературными и иными охранителями).

Наша согнутая въ три погибели пресса, не смотря на крайнее неудобство такого положенія старается при каждомъ случаѣ улыбаться правительству и забрасывать насъ самой возмутительной грязью. Смущается ли гдѣ-нибудь пожаръ она ни мало не стѣсняясь заявляетъ, что это поджигаютъ русскіе революціонеры. Случается ли гдѣ-нибудь таинственное буйство, грабежъ почты или простое воровство—она торопится схватить революціонеровъ за шиворотъ и представить ихъ въ участокъ. Сколько разъ она такимъ образомъ оказывалась самой грубой клеветницей, сколько разъ ея пламенное усердіе кончалась глупымъ выстрѣломъ въ лужу! Но уроки нимало не конфузятъ ее. „Кле-

---

*) Я прошу васъ до времени не публиковать моего имени. Подписываюсь псевдонимомъ дорогимъ мнѣ по нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ, а можетъ быть, соотвѣтствующимъ ворчливому тону моихъ писемъ.

вещи, клевещи, что нибудь да пристанетъ!" таковъ мудрый девизъ всѣхъ клеветниковъ. Если вѣрить нашей прессѣ, то мы оказываемся самыми невозможными злодѣями, какихъ когда-либо создавалъ міръ. Мы оказываемся не только врагами общественнаго порядка (не настоящаго только съ которымъ дѣйствительно враждуемъ, а вообще), семьи и религіи (о которыхъ пока не заходитъ и рѣчи), но и людьми лишенными самыхъ элементарныхъ чувствъ порядочности и честности. Она исчерпала весь лексиконъ ругательствъ, весь репертуаръ инсинуацій и если бы могла, то сочинила бы на наши головы много новыхъ неслыханныхъ еще преступленій. Пользуясь нашей невозможностью открыто защищаться, она старается выставить насъ въ глазахъ общества какими то кровожадными и безжалостными чудовищами. Насъ обвиняютъ въ безнравственности нетолько завѣдомые воры, шантажисты, взяточники и негодяи, но даже завѣдомые сыщики и жандармы. Это превосходитъ всякое терпѣніе и заставляетъ насъ взяться за перо, чтобы объясниться съ клеветниками не для того конечно, чтобы убѣждать ихъ, а для того, чтобы насъ выслушали третьи лица, не потерявшія еще способность краснѣть и убѣждаться и мнѣніемъ которыхъ мы дорожимъ.

Мы придаемъ вопросамъ духовнымъ и въ особенности нравственнымъ гораздо больше значенія, чѣмъ это, можетъ быть, кажется. Мы знаемъ изъ исторіи, что всякой смѣнѣ стараго порядка новымъ всегда предшествуетъ невидимый, но могущественный авангардъ—идей и новое нравственное міросозерцаніе. Мы знаемъ изъ исторіи, что всякій

старый порядокъ разрушается и падаетъ прежде всего, благодаря тому, что въ немъ развивается общественная несправедливость, что въ немъ не дается простора новымъ и болѣе высокимъ идеямъ и чувствамъ. Возьмемъ Грецію и Римъ, Римъ и германцевъ, язычество и христіанство, старый французскій режимъ и великую французскую революцію. Что противопоставляетъ одинъ порядокъ другому? Далеко не одну силу оружія, которая совершала внѣшнюю формальную сторону или побѣждала только для того, чтобы самой черезъ нѣкоторое время оказаться побѣжденною силою нравственною. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что на нашей сторонѣ нравственность и справедливость, и мысль и вообще всѣ самые могущественные двигатели человѣческаго духа, тогда какъ на сторонѣ стараго порядка—одна грубая сила и самые низменные инстинкты. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что старый порядокъ разлагается и что мы призваны замѣнить его новымъ и очистить для народа путь отъ гнилушекъ и мусора. Самое наше ученіе возникло, держится и развивается только благодаря безнравственности стараго порядка. Оно прежде всего логическая реакція человѣческаго духа противъ общественной безнравственности и несправедливости.

Въ этомъ то его главная сила и очаровательный философскій смыслъ. Въ этомъ-то знамени, высоко поднятомъ честными руками и лежитъ объясненіе, почему подъ него собирается молодежь и безъ звука переноситъ страданія въ тюрьмахъ и геройски умираетъ на висѣлицахъ. На этомъ-то и покоится

наша глубокая увѣренность, что побѣдимъ въ концѣ концовъ мы, а не вы.

Мы не будемъ конечно утверждать, что всѣ соціалисты-революціонеры поголовно и безъ исключенія существа идеально-нравственныя и что всѣ дѣйствія ихъ безусловно нравственны. Этого нельзя утверждать уже по одному тому, что они плоть отъ плоти вашей и кость отъ костей вашихъ, что они выросли и воспитались въ вашей семьѣ и школѣ, которыя систематически притупляли и развращали ихъ нравственное чувство. Удивительно ли, что нѣкоторые изъ нихъ принесли съ собою нѣкоторыя старыя привычки и замашки въ родѣ деспотизма и неразборчивости средствъ. Удивительно ли, что нѣкоторые не могутъ сразу снять съ себя помѣщичью, поповскую или мѣщанскую шкуру и отдѣлаться отъ засѣвшихъ въ нихъ такъ же глубоко, какъ и кости, воззрѣній. Да, мы вовсе не намѣрены стоять за то, что всѣ революціонеры существа идеально нравственныя. Есть между нами малодушные, увлекающіяся и больше всего невыработанные люди.

Но просимъ васъ не упускать изъ виду слѣдующаго: 1) дѣйствительно безнравственные поступки составляютъ лишь крайне ничтожное число случаевъ, составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила. Не забывайте, что мы представляемъ собою многочисленную массу, представляемъ почти цѣлый народъ. Съ нечаевскаго процесса, по разсчету одного неоффиціальнаго статистика, было арестовано, сослано и выслано административнымъ порядкомъ до 17.000 человѣкъ. Это одно уже говоритъ вамъ о нашей многочисленности. Возьмите затѣмъ

политическіе процессы и сравните число преступленій противъ нравственности у насъ и у васъ (даже по вашему уголовному кодексу); вы увидите, что они составляютъ у насъ просто ничтожный процентъ, несмотря на все усердіе слѣдователей, прокуроровъ и судей бить именно въ эту точку Жихаревъ, Масловскій и ихъ многочисленные сподвижники лѣзли изъ кожи, чтобы нарисовать страшную картину нравственнаго паденія молодежи; но это имъ такъ же удалось какъ если бы они вздумали заплевать солнце. Они открыли только одного безспорно безнравственнаго человѣка—Ларіонова, но и этотъ оказался сыщикомъ. Не забывайте еще и 2) что понятія о нравственности у насъ съ вами чрезвычайно различны. Мы окажемся здѣсь во многихъ случаяхъ другъ для друга варварами. Вы считаете нравственнымъ получать наслѣдство, ренту и незаслуженный огромный заработокъ, а мы считаемъ это насильственной эксплуатаціей народнаго труда. Не забывайте и 3), что вы создали въ обществѣ такую атмосферу, въ которой, при всемъ желаніи, нельзя сдѣлать ни одного честнаго шага.—До такой степени шатки и условны понятія о нравственности, до такой степени утерянъ всякій нравственный критерій. Соберите всѣхъ философовъ и моралистовъ міра и предложите имъ разсмотрѣть ваши институты, законы и обычаи - много ли они найдутъ въ нихъ нравственнаго содержанія? А между тѣмъ при такихъ условіяхъ намъ приходится дѣйствовать. При такихъ условіяхъ даже глубоко-нравственный человѣкъ станетъ въ тупикъ и откажется понимать что вы считаете нравственнымъ и что безнравственнымъ. Вы умѣете

только отличать воровство со взломомъ отъ простого воровства и не замѣчаете вещей въ милліонъ разъ болѣе безнравственныхъ. Не забывайте и 4) что мы лишены возможности дѣйствовать открыто, а вслѣдствіе этого многія дѣйствія поневолѣ становятся или кажутся безнравственными; приходится скрываться, укрывать, совершать уловки при передачѣ имущества, говорить неправду и т. п. Не забывайте и 5), что гоненія, воздвигаемыя на насъ настолько жестоки и безжалостны, что могутъ доводить многихъ до такого состоянія озлобленія и отчаянія, въ которомъ человѣкъ не разсуждаетъ. Не забывайте 6), что мы разобщены и лишены возможности согласовывать, провѣрять и направлять свою дѣятельность, какъ бы должна была дѣйствовать партія. Люди менѣе нравственные и выработанные, конечно, никогда не могли бы похвалиться и такимъ нравственнымъ единствомъ, какое вы видите у насъ. Ничего, что многіе изъ насъ молоды,—идея одушевляющая насъ, слишкомъ высока и опредѣленна. Повторяемъ: напрасно вы думаете, что мы станемъ открещиваться отъ нѣсколькихъ печальныхъ случаевъ, совершенныхъ революціонерами. Мы жалѣемъ о нихъ, это правда, мы желали бы, чтобы на насъ не падало даже самой малѣйшей тѣни, но мы не можемъ не признать полной логичности ихъ происхожденія. Мы открещиваемся только отъ постороннихъ людей, отъ завѣдомыхъ мазуриковъ, которые за послѣднее время дѣйствовали нашимъ именемъ (напр. вымаинвали деньги угрозами и т. п.) и которыхъ къ намъ такъ желательно пріобщить г.г. прокурорамъ, жандармамъ и печати. Въ нѣсколькихъ слу-

чаяхъ уже обнаружено, что это были люди не имѣвшіе съ нами ничего общаго. А затѣмъ мы принимаемъ на себя, на нашу отвѣтственность, все, что совершено было революціонерами, принимаемъ тѣмъ съ большей охотой, что подобныхъ случаевъ было весьма немного. Это какіе нибудь два-три-пять случаевъ, которые никакимъ образомъ не могутъ дискредитировать и марать партію, явившую такъ много примѣровъ великодушія, самопожертвованія и высочайшей нравственности.

Да и что такое, наконецъ, за безнравственные поступки, которыми такъ возмущаются наши газетные и журнальные моралисты? Не убійство ли и, прежде всего, не покушеніе ли на священную особу его Величества? Но многіе изъ васъ сами сто разъ убили бы эту священную особу, если бы не были тысячу разъ трусами и не дорожили бы своими мѣщанскими животишками; а многимъ изъ васъ эта особа нужна просто, какъ средство эксплуатировать народъ подъ ея прикрытіемъ. Говорятъ, что Соловьевское покушеніе повергло столицы и города въ безпокойство и встревожило многихъ добродѣтельныхъ и почтенныхъ гражданъ. Многія либеральныя достопочтенности даже утверждаютъ, что это вызвало реакцію... Какъ все это странно, чтобъ не сказать болѣе! Любя покой, природу, книгу и лишь мечтая о счастіи народовъ, либеральныя достопочтенности не замѣчали того, что реакція началась уже давнымъ давно, 10—15 лѣтъ тому назадъ, что за это время вымерли отъ голода и нищеты, можетъ быть, сотни тысячъ народа и были пролиты потоки безсильныхъ народныхъ слезъ. Чего вы ждали отъ державной воли,

отъ этого выжившаго изъ ума, фальшиваго, безсердечнаго старика, окруженнаго шайкой ловкихъ пройдохъ? Неужели чего нибудь дѣйствительно путнаго? Все это не больше какъ либеральное резонерство. Мы убѣждены въ томъ, что удайся Соловьевское покушеніе—всѣ заговорили бы другое, даже рабы и ослы почувствовали бы радость и, навѣрное, стали бы выкидывать курбеты. Оставаться долѣе при настоящемъ порядкѣ вещей Россія не можетъ. Народъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ и опускается въ такую пропасть экономическаго пролетар'ата, изъ которой ему долго не выбраться, а, пожалуй, не выбраться и совсѣмъ. Буржуазія, грубая и дикая, ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и гордо поднимаетъ голову. Общественная нравственность находится на такой низкой ступени, что можно придти въ ужасъ за человѣка: взятки, начиная съ маленькихъ канцелярій до сената включительно, грабежи казны, раздачи государственныхъ земель и заводовъ въ частныя руки, сикофантство, кражи въ банкахъ, казначействахъ, интенданствахъ, у несчастныхъ солдатъ и даже въ сиротскихъ судахъ у сиротъ. Игумены и попы, Мясниковы, Мезенцевы, Гулакъ Артемовскія и т. д. составляютъ безконечную воровскую эпопею. А сколько такихъ воровъ, которые не попали на скамью подсудимыхъ: Тотлебенъ наворовалъ на крѣпостяхъ милліонное состояніе; Треповъ набралъ взятокъ за разныя темныя дѣлишки два-три милліона рублей, кн. Волконскій, теперешній попечитель Спб. Уч. Округа, ограбилъ съ Грязе-Царицынской ж. д. 600.000 р.; Аллербергъ, въ качествѣ министра Двора и царскаго

наперсника, проматываетъ милліоны; Ламанскій сдѣлалъ изъ государственнаго банка собственную кладовую и притонъ для биржевыхъ плутовъ; морское министерство грабится самымъ наглымъ образомъ и во главѣ грабителей стоитъ царскій братъ—Константинъ Николаевичъ. Конечно, всѣ эти воры никогда и не попадутъ на скамью подсудимыхъ. Когда графъ Бобринскій, бывшій министръ путей сообщенія, рѣшился доложить царю о какой-то дерзкой кражѣ Константина, то получилъ въ отвѣтъ: „Какъ ты смѣешь, холопъ, вмѣшиваться въ дѣла царской семьи?“ и долженъ былъ оставить министерскій портфель.

Врядъ ли можно больше дискредитировать себя, съ нравственной стороны, чѣмъ дискредитировала себя царская фамилія: вся столица и вся Россія знаютъ и говорятъ о томъ, что великіе князья играютъ на биржѣ, забираютъ казенныя земли и грабятъ казну. Всѣ знаютъ и говорятъ о царскихъ любовницахъ (напр. о сестрѣ Долгорукихъ, о любовницѣ Константина актрисѣ Кузнецовой, о любовницѣ Николая актрисѣ Числовой, изъ-за которой происходили семейныя драки отца съ сыномъ подсвѣчниками и т. д.). Молва разноситъ о нихъ тысячи самыхъ курьезныхъ анекдотовъ. Разсказываютъ напр., что Николай заказывалъ Микѣшину голый портретъ Числовой въ видѣ Нимфы и самъ всегда присутствовалъ на сеансахъ, восхищаясь ея голыми красами. Разсказываютъ, что во время послѣдней компаніи царственный главнокомандующій каждый день мѣнялся съ своей нимфой телеграммами и, когда та телеграфировала ему подъ Плевну, что наконецъ нашла квартиру, то онъ от-

вѣчалъ ей: Слава Богу, гора съ плечь долой. Вотъ какая тяжелая гора лежала на плечахъ главнокомандующаго русской арміей! И это въ то время когда умирали и мерзли тысячи солдатъ! Всѣ говорятъ о пьяныхъ дебошахъ съ г.г. офицерами. Владиміра Александровича, о томъ, какъ они, напр. выламывали дверь Дворянскаго Собранія въ 4 часа ночи, о кражѣ фамильныхъ брилліантовъ Николая Константиновича и т. д. и т. д. Но всего не перескажешь — и много, и скучно, и стыдно. Можетъ быть молва что нибудь и преувеличиваетъ, но больше, вѣроятно уменьшаетъ, такъ какъ столь развращенная придворная челядь, конечно, скрываетъ подвиги своихъ господъ. Какія же надежды можно возлагать на этихъ вѣчно пьяныхъ, падшихъ людей? Повторяемъ, оставаться долѣе при такомъ порядкѣ вещей невозможно. Развращеніе общества принимаетъ все болѣе и болѣе омерзительный характеръ и обнаруживаетъ просто страшные симптомы. Политическія гоненія и развившееся до небывалыхъ еще размѣровъ шпіонство дѣлаютъ жизнь для маломальски порядочныхъ людей совсѣмъ невозможною. Отецъ доноситъ на сына, дѣти на отца, жена на мужа. Доносы приводятъ въ ужасъ своимъ изобиліемъ и возбуждаютъ своею подлостью отвращеніе даже въ самихъ жандармахъ и шпіонахъ: доносятъ на политическое вольнодумство, на семейную жизнь, на имѣніе номера воспрещенной газеты, на равнодушіе къ иконамъ. Доносятъ по злобѣ, по неудавшейся любви, доносятъ спьяна и т. д. Остальные заперлись въ скорлупу невинности и ничегоневѣденія и молчатъ. Стучите и кричите имъ въ окно, что людей напрасно вѣ-

шаютъ—не послѣдуетъ отвѣта. Орите во все горло на улицѣ, что жандармы совершаютъ надъ вами самыя варварскія насилія,—вамъ отвѣтитъ только могильная тишина. Полное отсутствіе смѣлости, мужества и всякаго гражданскаго протеста...

Нѣтъ, покушеніе Соловьева не заключало въ себѣ ничего безнравственнаго, а, напротивъ, явилось подвигомъ самаго высшаго самоотверженія!

Въ такомъ случаѣ не возмущаются ли ваши сердца, г.г. охранительные моралисты, кровью нѣсколькихъ убитыхъ жандармовъ и шпіоновъ? Но не забывайте же, что это не только наши личные враги, которые ни на какіе суды чести и дуэли не пойдутъ, но и враги народа. Не прикажете ли дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, гладить ихъ по головкѣ и ждать перемѣны. Предоставляемъ это уже вамъ заниматься такимъ благороднымъ занятіемъ. Они переодѣваются, надѣваютъ другую личину, влѣзаютъ вамъ въ душу и затѣмъ предаютъ васъ. Вы забываете, что это люди, не имѣющіе уже въ себѣ ничего человѣческаго и составляющіе позоръ общества. Вы рукоплещете или зловѣще молчите, когда эти негодяи вѣшаютъ нашихъ друзей, эту честь и гордость Россіи, вѣшаютъ часто только за образъ мыслей, любовь къ свободѣ, исповѣдь идей человѣколюбія и равенства, и возмущаетесь когда мы убиваемъ этихъ негодяевъ! Вы молчите, когда насъ держатъ цѣлые годы безъ суда и слѣдствія въ тюрьмахъ, разлучаютъ съ дѣтьми, женами и престарѣлыми родителями, оставляя ихъ на произволъ судьбы, безъ пропитанія; когда насъ сводятъ съ ума и хоронятъ за живо въ рудникахъ и центральныхъ тюрьмахъ, а вы бьете тревогу когда

падаетъ на мостовой какой нибудь Мезенцевъ—самъ укрыватель и пособникъ убійцъ (Мясниковское дѣло)! Вы, можетъ быть спросите,—кто насъ уполномочилъ совершать въ странѣ правосудіе? А кто далъ вамъ это право? спросимъ мы самозванныхъ повелителей народа. Народъ? когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ? Вы вѣдь можете ссылаться въ данномъ случаѣ только на историческія фикціи и на вашъ сводъ законовъ, написанный вами же чортъ знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ, при царѣ Горохѣ, во время страшнаго угнетенія народа,—основанія, можно сказать, никуда не годныя съ точки зрѣнія права и новѣйшихъ конституцій. Вы—узурпаторы народной воли и надъ вами то, а не надъ народомъ совершаемъ мы правосудіе и будемъ себя считать вправѣ на это ровно до тѣхъ поръ, пока оно не перейдетъ въ руки народа. Вы умышленно держите его въ вѣковомъ непроглядномъ невѣжествѣ, умышленно лишаете его свѣта и сознанія своего положенія, такъ какъ иначе онъ давно уже уполномочилъ бы васъ отправиться на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ конокрадами, а можетъ быть послѣднихъ и пощадилъ бы еще.

Не удивляйтесь, господа, тому что произошло нѣсколько убійствъ, а удивляйтесь тому, что произошло ихъ мало, удивляйтесь неспособности русскихъ революціонеровъ къ террору. Въ большинствѣ случаевъ они, дѣйствительно, люди глубоко гуманные и неспособные къ кровопролитію. Можетъ быть они и выработаютъ еще въ себѣ, это въ высшей степени необходимое въ извѣстные историческіе моменты свойства. Можетъ быть вы

доведете ихъ своими дѣйствіями до крайней степени ожесточенія. Берите на себя тогда всю отвѣтственность за всѣ ужасы и убійства...

Отъ Исполнительнаго Комитета.

XI. Бывшій учитель черниговской гимназіи Александръ Петровичъ Семеко-Максимовичъ состоитъ агентомъ III Отдѣленія. Имѣетъ слесарную мастерскую на Васильевскомъ Островѣ. Его приметы: брюнетъ, черные густые волосы, бороду и баки бреетъ, небольшіе черные усики, глаза черные, носъ небольшой, тонкій, ростъ выше средняго, тѣлосложенія плотнаго, лѣтъ 26—28. Лицо интеллигентное, одѣвается прилично.

Исполнительный Комитетъ проситъ остерегаться шпіона.

Исполнит. Ком. 28 октября 1879 г.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда всякій рѣзкій отпоръ злодѣяніямъ нашего бюрократическаго правленія со стороны его жертвъ былъ еще явленіемъ новымъ и неожиданнымъ,—всякое покушеніе на жизнь разныхъ изверговъ этого правленія, производило необычайный переполохъ въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества. Раздраженные защитники существующаго порядка поднимали яростный вой, напоминавшій ревъ раненнаго звѣря, а его растерявшіеся отъ неожиданности принципіальные противники-либералы изъ разряда умѣренныхъ—въ испугѣ спѣшили заявлять свое осужденіе неслыханной дерзости революціонеровъ. Въ это смутное время въ разныхъ либеральныхъ органахъ появлялись статьи, авторы которыхъ обвиняли революціонеровъ въ безнравственности ихъ идей и поступковъ внушая имъ, что они своими дѣйствіями могутъ только навлечь на Россію всѣ ужасы реакціи.

Издаваемый нами № 2 Народной Воли отъ 15 Ноября 1879 г. заключаетъ въ себѣ искренній и обстоятельный отвѣтъ тогдашнихъ революціонеровъ

на оба эти обвиненія, вмѣстѣ съ обширнымъ обозрѣніемъ нравственности великихъ и малыхъ представителей нашего бюрократическаго правленія. И такъ какъ этотъ № „Народной Воли“ въ настоящее время, благодаря усердію полиціи, уже совсѣмъ исчезъ изъ обращенія, то мы и сочли нужнымъ перепечатать его, съ имѣющейся у насъ рукописи, въ качествѣ историческаго документа, который освѣщая нѣкоторыя стороны многознаменательнаго періода русскаго революціоннаго прошлаго, даетъ въ то же время читателю поводъ для весьма поучительнаго сравненія общественнаго настроенія этого прошлаго съ настроеніемъ современнаго русскаго общества.

Въ результатѣ этого сравненія нельзя не усмотрѣть довольно таки знаменательную разницу. Нервы настоящаго русскаго общества, очевидно, значительно окрѣпли, его политическое сознаніе прояснилось и прежняго перепуга и переполоха въ немъ уже почти нѣтъ и слѣда. Оно уже не осуждаетъ революціонныхъ протестовъ противъ правленія самодержавной бюрократіи — слишкомъ уже явно стало для него ея самодержавіе! — оно уже не пугается покушеній противъ самыхъ злостныхъ представителей этого правленія, а видитъ въ нихъ или нѣчто неизбѣжное или даже желательное и до нѣкоторой степени оздоровляющее нашу политическую атмосферу, и наконецъ уже не спѣшитъ оно, какъ бывало, по поводу этихъ поку-

шеній изъявлять царю свою безпредѣльную готовность поборать революціонную гидру въ сотрудничествѣ съ его министрами и жандармами. Что-же касается до обвиненія революціонеровъ въ безнравственности, то объ этомъ не дерзаютъ уже заводить рѣчь даже и реакціонеры, потому что теперь и сами уже они въ глубинѣ души своей чувствуютъ, что все, что есть въ Россіи честнаго, безкорыстно преданнаго общественному благу, стойкаго въ своихъ гражданскихъ убѣжденіяхъ и самоотверженнаго въ своей дѣятельности, находится лишь въ станѣ враговъ бюрократическаго режима; между тѣмъ какъ въ лагерѣ его благопріятелей, на самыхъ высокихъ постахъ правленія, не видно ничего кромѣ такихъ бездушныхъ карьеристовъ и безпринципныхъ ловкачей, которые, подобно гг. Витте и фонъ-Плеве, останавливаютъ свободное развитіе русскаго народа и общества для того, чтобы безпрепятственно властвовать надъ ними; такихъ моральныхъ квазимодо какъ эти гнусные розгобойцы — фонъ-Вали и Оболенскіе и такихъ блюстителей правосудія, какъ Муравьевъ, который будучи министромъ юстиціи, прикрывалъ своею властью совершаемый въ его вѣдомствѣ разбой, подобный сѣсторрѣцкому, до тѣхъ поръ пока не стало уже возможности прикрывать его.

University of British Columbia Library

DUE DATE

MAR 3 0 1990 RECD

ET–6

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 01271 8810

SCARD